

УДК 811.161.1'367

ОДНОСОСТАВНЫЕ СКАЗУЕМО-БЕСПОДЛЕЖАЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
КАК СРЕДСТВО ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА
(на материале рассказов «Княгиня» и «Припадок» А.П. Чехова)

П.Е. Ахраменко
(Мозырь, Беларусь)

В статье рассматриваются особенности функционирования односоставных предложений в рассказах А.П. Чехова.

К односоставным сказуемо-бесподлежащим предложениям относят: определено-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные синтаксические единицы [1, 12].

А.П. Чехов – мастер короткого рассказа. Он активно использует односоставные синтаксические конструкции, которые позволяют более емко описывать различные коммуникативные ситуации.

Определенно-личные предложения используются в соответствии с их грамматическим оформлением в качестве реплик диалога, где субъект обозначен в авторской речи и не нуждается в формальном наименовании или материально обозначается в словах автора:

– Уверяю вас, между людьми и болонками – большая разница! [3, 271]

Барышня в польском костюме с белой меховой опушкой подошла к нему и села рядом с ним.

– Угостите лафитом! – сказала соседка.

– Пойдем отсюда! – сказал он, дернув художника за рукав.

– погоди, дай кончить кадрили... [3, 233].

Неопределенно-личные предложения употребляются в том случае, если о субъекте нам известно из контекста или, возможно, говорящий знает, кто выполнил действия, но ситуация такова, что указание на субъект излишне. Говорящему же важно сообщить о самих действиях. Неопределенно-личные предложения регулярно употребляются как репликах, так и в авторских размышлениях: *Целый день готовяли для вас покои и жюли.* [3, 273]; *Когда княгиню беспокоили, не понимали, обижали и когда она не знала, что ей говорить и делать, то обыкновенно на начинала плакать* [3, 273].

Инфинитивные предложения А.П. Чехов использует в качестве различных типов придаточных предложений: *Чтобы отвлечь свою душевную боль каким-нибудь новым ощущением или другой болью, не зная, что делать, плача и дрожа, Васильев растегнул пальто и сюртук и подставил свою голую грудь сырому снегу и ветру* [3, 245].

Безличные предложения в соответствии с их семантическим наполнением используются для характеристики внутреннего душевного состояния героев, передачи тончайших оттенков мысли. Для полного словесного выражения мысли в них достаточно одного главного члена.

Следует отметить, что как текстообразующий элемент в рассказах А.П. Чехов регулярно вводит безличные предложения. «Под текстообразующей функцией единиц языка следует понимать их способность участвовать в создании текста, их способность «строить» текст, связывать воедино все его части и отдельные предложения с учетом коммуникативного намерения, цельного смысла, общего замысла – всех факторов, обуславливающих его создание или интерпретацию» [2, 125].

Особенности употребления безличных синтаксических единиц в качестве текстообразующего средства можно проследить на примере рассказа А.П. Чехова «Княгиня».

Главная героиня рассказа, Вера Гавриловна, очень любила бывать в N-ском монастыре. Здесь ее все «трогало, умиляло», начинало казаться призрачным, невесомым. Следует отметить, что безличные конструкции с глагольным и именным сказуемым со словом «казаться» в различных формах А.П. Чехов использует на протяжении всего рассказа: *Достаточно ей было побывать в покоех полчаса, как ей начинало казаться, что она робка и скромна, что и от нее пахнет кипарисом; прошлое уходило куда-то вдаль, теряло свою цену, и княгиня начинала думать, что, несмотря на свои двадцать девять лет, она очень похожа на старого архимандрита и так же как он, рождена не для богатства, не для земного величия и любви, а для жизни тихой, скрытой от мира, сумеречной, как покой...* [3, 265].

Синтаксическая безличность, отраженная в рассказе в репликах главной героини, является основой для построения рассказа в форме кольцевой композиции: сначала сладкое, кажущееся, иллюзорное восприятие действительности – затем жестокий мир реальности, переданный в словах доктора – и в конце опять возвращение к своему счастливому состоянию.

Первая часть – сладкое иллюзорное восприятие действительности – обозначается безличными предложениями со сказуемым «казалось», что позволяет выдавать главной героине желаемое за действительное: *Княгине казалось, что она приносила с собой извне точно такое же утешение, как луч или птичка. Ее приветливая, веселая улыбка, кроткий взгляд, голос, шутки, вообще вся она, маленькая, хорошо сложенная, одетая в простое черное платье, своим появлением должна была возбуждать в простых суровых людях чувство умиления и радости* [3, с.265]. Причем, форма «казалось» употребляется не только в безличных, но и в формально двусоставных предложениях: *От монастырского цветника повеяло на княгиню душистой влагой только что политой резеды, из церкви донеслось тихое пение мужских голосов, которое издали казалось очень приятным и грустным* [3, 266].

Мечтательность желания героини приводит ее к меланхолическому состоянию, которое описывается безличными предложениями со значением желательности. Это обозначается в форме безличных предложений как с составным глагольным сказуемым, так и в форме безличных предложений с составным именным сказуемым: *В темных окнах, где кротко мерцали лампадные огоньки, в тенях, в фигуре старика монаха, сидевшего на паперти около образа с кружкой, было написано столько безмятежного покоя, что княгине почему-то захотелось плакать...* [3, 266].

Безличные с именным сказуемым в форме слова категории состояния обозначают мечтательную несбыточную желательность. В составе сказуемого употребляется слово категории состояния в сослагательной форме «хорошо бы». Следует отметить, что в небольшом десятистраничном рассказе целый большой абзац текста с размышлениями и мечтаниями героини построен со сказуемым в такой форме: *Она думала о том, что хорошо бы поселиться на всю жизнь в этом монастыре, где жизнь тиха и безмятежна, как летний вечер; хорошо бы позабыть совсем о неблагодарном, распутном князе, о своем громадном состоянии, о кредиторах, которые беспокоят ее каждый день, о своих несчастьях, о горничной Даше, у которой сегодня утром было дерзкое выражение лица. Хорошо бы всю жизнь сидеть здесь на скамье и сквозь стволы берез смотреть, как внизу под горой ключьями бродит вечерний туман, как далеко-далеко над лесом черным облаком, похожим на вуаль, летят на ночлег грачи, как два послушника – один верхом на пегой лошади, другой пешком – гонят лошадей на ночное и, обрадовавшись свободе, шалят, как малые дети; их молодые голоса звонко раздаются в неподвижном воздухе, и можно разобрать каждое слово. Хорошо сидеть и прислушиваться к тишине: то ветер подует и тронет верхушки берез, то лягушка зашелестит в прошлогодней траве, то за стеною колокольные часы пробьют четверть...* И только в последнем предложении абзаца, после этого текста не употребляется слово категории состояния «хорошо» – формально предложение становится инфинитивным, но это только формально. Слово категории состояния «хорошо» легко воспроизводится из предыдущего контекста и в связи с этим такие предложения следует квалифицировать как неполные безличные: *Сидеть бы неподвижно, слушать и думать, думать, думать...* [3, 266].

Первая композиционная часть могла бы и завершиться безличным предложением со значением желательности, причем, в конце предложения стоит многооточие, следовательно, мечтания могли бы и продолжаться. Но им нет предела, и поэтому, чтобы поставить точку над нескончаемыми и несбыточными мечтаниями, последнее предложение первой композиционной части начинается с противительного союза «но» в двусоставном предложении: *Мимо прошла старуха с котомкой. Княгиня подумала, что хорошо бы становить эту старуху и сказать ей что-нибудь ласковое, задушевное, помочь ей... Но старуха ни разу не оглянулась и повернула за угол.* [3, 266].

Вторая часть кардинально отличается по лексической наполняемости безличных предложений от первой части. В ней наличествуют такие слова категории состояния в качестве сказуемых безличного предложения, как «страшно», «стыдно», «обидно» и подобные. Она начинается встречей княгини с доктором (Михаилом Ивановичем): имя его упоминается лишь один раз, в других случаях он именуется просто доктор. Он не просто доктор человеческого тела, а доктор человеческих душ.

У княгини прекрасное мечтательное настроение, но на ее «приветливую и кроткую улыбку» доктор «отвечает холодно и сухо», как и подобает настоящему беспристрастному доктору человеческих душ. И вот здесь впервые состояние души княгини меняется от мечтательности к непониманию и даже страху, что также выражается формой безличных единиц, отражающих ее состояние. Ей «страшно оглянуться назад: сколько перемен, несчастий разных, сколько ошибок!» [3, 267]. Но ее мысли полно-

стью направлены лишь на ее саму, она ни о чем другом и ни о ком другом не может и не хочет ни думать, ни слушать и поэтому немного смутилась лишь потому, что сама «она знала свои ошибки; все они были до такой степени интимны, что только одна она могла думать и говорить о них» [3, 268]. Другие же указывать на ее «интимные» ошибки не имеют права.

В речи доктора, обличающей в несправедном поведении и несправедливости княгиню, преобладают двусоставные предложения. Но состояния своей души он передает с помощью безличных синтаксических единиц. Он корит ее за «нелюбовь и отвращение к людям», за то что «молодых медиков, агрономов, учителей, вообще интеллигентных работников, боже мой, отрывают от дела, от честного труда и заставляют из-за куска хлеба участвовать в разных кукольных комедиях, от которых стыдно делается всякому порядочному человеку!» [3, 269].

Безличные предложения со значением слухового восприятия и со сказуемым, в котором глагольная связка употребляется постоянно с частицей «не», функционируют в качестве придаточной части цели. *У всех дверей на лестницах стоят сытые грубые и ленивые гайдуки в ливреях, чтоб не пускать в дом неприлично одетых людей; в передней стоят стулья с высокими спинками, чтоб во время балов и приемов лакеи не пачкали затылками обоев на стенах; во всех комнатах шершавые ковры, чтоб не было слышно человеческих шагов; каждого входящего обязательно предупреждают, чтобы он говорил потиху и поменьше и чтоб не говорил того, что может дурно повлиять на воображение и нервы* [3, 268].

Отрицанием, в том числе с использованием безличных предложений со значением отрицания со сказуемым «нет» в нулевой форме, но которое восстанавливается из контекста, пронизана вся гневная речь доктора: *То есть я хочу сказать, что вы смотрите на всех людей наполеоновски, как на мясо для пушек. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у вас, кроме отвращения, ничего!* [3, 269].

Употребляются в его речи и безличные со значением необходимости, но необходимость только для других, а не для княгини: *Этак раза два в неделю, вечером, скажут тридцать пять тысяч курьеров и объявляют, что завтра княгиня, то есть вы, будет в приюте. Это значит, что завтра нужно бросать больных, одеваться и ехать на парад* [3, 270]. Отметим, что в речи доктора употребляется и устаревшая в настоящее время форма «нужно + существительное в родительном падеже»: *Вам нужно фактов? Извольте!* [3, 269].

Княгиня еще ничего не хочет понимать, ей по-прежнему лишь все представляется, кажется: *Никогда раньше с нею не говорили таким тоном. Неприятный сердитый голос доктора и его неуклюжая, заикающаяся речь производили в ее ушах и голове резкий, стучающий шум, потом же ей стало казаться, что жестикулирующий доктор бьет ее своею шляпой по голове* [3, 269].

В авторских словах используются безличные со значением восприятия возможности и отрицания наличия чего-либо: *Доктор захохотал басом и махнул рукой... Смеялся он тяжело, резко, с крепко стиснутыми зубами, как смеются недобрые люди, и по его голосу, лицу и блестящим, немножко наглым глазам можно было понять, что он глубоко презирал и княгиню, и приют, и старух. Во всем, что он так неумело и грубо рассказал, не было ничего смешного и веселого, но хохотал он с удовольствием и даже с радостью* [3, 271].

Отрицания наличия чего-либо обозначается формой глагола «не было + существительное в родительном падеже: *Не оттого, что народ у нас невежественный и неблагодарный, как вы объясняли всегда, а оттого, что во всех ваших затеях, извините меня за выражение, не было ни на один грош любви и милосердия! Было одно только желание забавляться живыми куклами и ничего другого...* [3, 271].

И даже теперь княгине лишь все еще представляется, что разговор происходит не на самом деле и что все это ей кажется, хотя она уже и предельно растеряна: *У княгини страшно билось сердце, в ушах у нее стучало, и все еще ей казалось, что доктор долбит ее своей шляпой по голове. Доктор говорил быстро, горячо и некрасиво, с заиканьем и с излишней жестикуляцией; для нее было только понятно, что с нею говорит грубый, невоспитанный, злой, неблагодарный человек, но чего он хочет от нее и о чем говорит – она не понимала* [3, 272].

После этого у главной героини наступает период душевной инфантильности, переходящей в мазохизм: *Она чувствовала себя обиженной и плакала, и ей казалось, что и деревья, и звезды, и летучие мыши жалеют ее; и часы пробили только для того, чтобы посочувствовать ей. Она плакала и думала о том, что хорошо бы ей на всю жизнь уйти в монастырь: в тихие летние вечера она гуляла бы одиноко по аллеям, обиженная, оскорбленная, не понятая людьми, и только один бог да звездное небо видели слезы страдальцы. В церкви еще продолжалась всенощная. Княгиня остановилась и прислушалась к пению; как хорошо это пение звучало в неподвижном, темном воздухе! Как сладко под это пение плакать и страдать!* [3, 274].

Перед сном она опять занимается самобичеванием. Она представляет, как она будет разорена и ее все покинут, начнут говорить грубости, будут злословить, смеяться, а она *судит в монастырь, и никому ни одного слова упрёка; она будет молиться за врагов своих, и тогда все поймут ее, придут к ней просить прощенья, но уж будет поздно...*» [3, 274]. С этими мыслями княгиня заснула.

Третья композиционная часть пронизана опять светлыми тонами, что передается соответствующей лексической наполняемостью безличных предложений.

Когда *«она проснулась и взглянула на свои часики: было уже половина десятого», «яркая полоса света от луча шла из окна». «Рано!» – подумала княгиня и закрыла глаза* [3, 274]. Этим «рано», как нам видится, сказано через восприятие героини и то, что не нужно куда спешить, и то, что все хорошо, как прежде, и то, что она может себе позволить еще поспать. Окончательно проснувшись *«она улыбнулась и подумала, что если бы эти люди сумели проникнуть в ее душу и понять ее, то все они были бы у ее ног...»* [3, 274]. Это так и произошло, когда ее позднее провожали: *Ее приятно удивило, что вместе с монахами у крыльца находился и доктор* [3, 275], которому княгиня улыбнулась и протянула к его губам руку.

Доктор просит у нее прощенья: *– ... Простите, бога ради... я наговорил вам... глупостей. Я прошу прощенья.* [3, 275], двусоставность конструкций подчеркивает субъект действия. Оказывается, это доктор во всем виноват.

И опять у княгини прекрасное настроение, ей всё в радость, она «порхает»: *Стараясь походить на птичку, княгиня порхнула в экипаж и закивала головой во все стороны. На душе у нее было весело, ясно и тепло, и сама она чувствовала, что ее улыбка необыкновенно ласкова и мягка. Она думала о том, что нет выше наслаждения, как всюду носить с собою теплоту, свет радости прощенья обиды и приветливо улыбаться врагам* [5, 275].

Наступает обычное для нее, невесомое, счастливое состояние, когда ей опять лишь все кажется: *Встречные мужики кланялись ей, коляска мягко шуричала, из-под колес валили облака пыли, уносимые ветром на золотистую рожь, и княгине казалось, что ее тело качается не на подушках коляски, а на облаках, и что сама она похожа на легкое, прозрачное облачко... Как я счастлива! – шептала она!* [3, 275].

Посредством употребления безличных единиц в ткани произведений передается непроизвольность, бессубъектность происходящего.

Однокомпонентные конструкции используются в художественном тексте как яркое средство выразительности для более точной передачи описываемой ситуации.

С помощью безличных предложений тонко передается внутренний мир героя, душевное состояние человека.

Литература

1. Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М., 1968.
2. Ипполитова, Т.Ю. Текст в системе обучения русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов педвузов / Т.Ю. Ипполитова. – М., 1998.
3. Чехов, А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / А.П. Чехов. – М., 1970. – Т. 4. Рассказы, повести, статьи и фельетоны 1887–1891 гг.